

SOGDIANS IN CHINA

Mamasiddikov Anvarjon
Fergana Polytechnic Institute.
Uzbekistan

ABSTRACT

The article studies the role of the Sogdians, the ancient sedentary and merchant people of Central Asia, in the development of the Great Silk Road and the integration of Chinese and world culture. The author pays attention to trade, cultural-artificial and military-political relations.

KEY WORDS: trade route, Iranian culture, religion, trade.

Согдийцы в Китае

Мамасиддииков Анваржон.
Ферганский политехнический институт. Узбекистан

В статье изучена роль согдийцев, древнего оседлого и купеческого народа Центральной Азии, в развитии Великого шелкового пути и интеграции китайской и мировой культуры. Автор уделяет внимание на торговые, культурно-искусственные и военно-политические отношения.

Ключевые слова: торговый путь, иранская культура, религия, торговля.

Согдийцы стали посредниками в культурном обмене Китая с «Босы» (Персией), «Да-Цинь» (Римской империей) и «Даши» (Арабским халифатом). С «запуска» Великого шелкового пути этот обмен донес до Китая эротические танцы, западную музыку и цирковые представления, проповедь буддизма, манихейства и христианства.

Сеть торговых троп, размеченных верблюжьим пометом и скелетами людей и животных, известная как Великий шелковый путь, в начале нашей эры называлась «согдийскими торговыми путями». Караваны шли по этим тропам через «Луковые» (Памир) или «Небесные горы» (Тянь-Шань), по висячим перевалам подвесных мостов через Инд; «реку песка» (пустыню Гоби) и населенные злыми духами «барханы белого дракона» у озера Лобнор; сквозь бури, которые убивают человека, не закрывшего рот шерстяным платком, и верблюда, не зарывшего голову в песок.

Согдийские пути вели в Индию, Иран и Причерноморье, в них вливались товары «нефритового пути» Восточного Туркестана, сибирской «собольей дороги» и «янтарного пути»

Прибалтики. На несколько веков согдийский стал языком торговли от Ирана и Северной Индии до Крыма и Монголии.

Согдийцы продавали бронзовые зеркала, бумагу, лаковые изделия, фарфор, вьетнамский жемчуг, акулы шкуры, которые шли на ножны и рукоятки, слоновые и мамонтовые бивни, моржовые клыки, мускус из рогов кабарги и гланд тибетских оленей, перья зимородка и крылышки жуков-златок, считавшиеся украшением и любовным талисманом.

В Китай они везли латунь, драгоценные камни, коней, дрессированных зверей, белила и благовония, индийский сахар, называвшийся «каменным медом», пряности, камфору, меха, ткани из хлопка и негсгорающего асбеста.

Когда китайцы решили победить кочевников хунну (гуннов), занимавших степи к северу от Китая, согдийцы превратились в посредников между тогдашними главными экономиками и культурами мира.

Для хунну засушливый «Западный край» между рекой Или и нынешней провинцией Ганьсу был источником союзников, зерна и лошадей. Китай завоевал большую его часть,

и в 102 году до н.э. вторгся в Фергану (Давань), землю «небесных коней», которые позволили создать кавалерию, победившую гуннов.

«Западный край» стал первым получателем шелка в виде зарплаты военным и чиновникам и подарков «данникам». Местные князьки поняли, что выражение покорности «сыну неба» давало доступ к шелку в обмен на свои товары, которые китайцы считали данью своему императору.

Вскоре Китай разрешил официальную торговлю с западом — Парфией и Римской империей. В результате в Иране появилась прочнейшая сталь, которую китайцы насыщали углеродом, прокаливая металл, завернутый во фруктовые очистки. Именно из этой стали были сделаны наконечники стрел и латы парфянской конницы, которая разбила римлян при Каррах в 53 году до н.э. [1]

К концу первого века н.э. согдийцы основали фактории в Западном крае и Лояне, который был в то время китайской столицей. Китайцы удивлялись их облику («они имеют глубоко посаженные глаза, возвышенный нос и очень волосатые») и умению торговаться. «Едва их юношам исполняется двадцать лет, как их отправляют в чужие страны, и они добираются до Китая, — утверждал китайский летописец. — Где бы ни появилась выгода, всюду они поспевают».

Парфяне не пускали согдийцев дальше Мерва, и те проложили маршрут в Причерноморье через Каспий, Кавказ и Крым, используя флот на Амударье, которая тогда впадала в Каспий через ныне пересохший Узбой.

Хотя торговля шелком и предметами роскоши в те времена была сравнима по прибыльности с продажей наркотиков или оружия в наши дни, согдийцы не чурались менее прибыльных вещей — пшеницы, риса, скота, фруктов и овощей. Благодаря им в Китае появились жасмин, огурцы, люцерна и некоторые сорта винограда, включая «дамские пальчики». [2]

В начале третьего века династия Хань пала, после чего Китай прошел через четыре века раздробленности, войн и правления «северных варваров». Согдийцы оказываются свидетелями потрясений. «Император бежал из Лояна от голода, и его дворец и крепость были в огне», — писал согдийский купец в письме домой.

В 304 г. гунн Лю Юань провозглашает себя «императором» династии Восточная Хань. За ним последовала кровавая эпоха «шестнадцати царств пяти северных племен», но «политические бури внутри Китая почти не влияли на состояние международной торговли», — писали авторы советского исследования «Китайский этнос на пороге средних веков». [3] Потрясенные

распадом империи и властью «варваров» над ее северной частью, китайцы искали утешения в новых религиях. Главной из них стал буддизм.

«Согдийские пути» сделались дорогой пилигримов, а некоторые согдийцы даже внесли вклад в обращение китайцев.

Сын согдийского купца Кань Сэнхуэй, умерший в 280 г., переводил буддистские труды с использованием терминологии даосизма. Фацзан, третий патриарх секты Хуаянь, прибыл из Средней Азии около 310 г. и обратился в буддизм Ши Лэ, еще одного «варварского» императора династии Поздняя Чжао.

«Варвары» охотно принимали буддизм и способствовали его распространению, но порой не знали меры. Один из таких «варварских» императоров был объявлен воплощением Будды, а другой — гунн Хэлянь Бобо — сам назвался Буддой и приказал вытатуировать на своей спине его изображение. [3]

За буддизмом в Китай пришли Несториане, разошедшиеся с православием по поводу совмещения в «природе» Христа божественного и человеческого, бежали из Римской империи в Иран, Среднюю Азию и Китай. Именно несторианские монахи умыкнули и перевезли в полых посохах мимо таможи и пограничников грену шелкопряда, с которой началось шелководство в Византийской империи. [4]

Манихейство, главный теологический «враг» христианства и ислама, появилось в Средней Азии еще до казни пророка Мани в 273 г. В Евразии главными его «переносчиками» стали самаркандские согдийцы, чей язык сделался каноническим для восточно-манихейской церкви «динавар» (согд. «податель веры»). «Была развернута целенаправленная деятельность по переводу религиозной литературы на согдийский», — писал религиовед Гео Виденгрэн.

Манихейство среди китайцев проповедовали недолго. Танское правительство объявило, что вера манихеев «ложно принимает имя буддизма и обманывает народ».

Манихеев начали называть «поедающими постное поклонниками дьявола», и они предпочли «замаскироваться» под одну из сект даосизма, в котором со временем и растворились, сделав два труда Мани частью даосского канона.

Опять-таки при помощи согдийских проповедников манихейство единственный раз в истории стало государственной религией — после обращения в 762 г. уйгурского кагана. Его страна была северней и больше современного Синьцзян-Уйгурского автономного района и стала сверхдержавой после того, как помогла Китаю подавить восстание Ань Лушаня. [5]

За несколько поколений «варварские» императоры утрачивали связь с родной культурой, окитаивались, теряли голову от излишеств и свергались новой волной «варваров» или китайскими подданными.

Одно из «варварских» племен дало начало династии, которую китайцы считают вершиной своего Средневековья. Монголоязычные табгачи правили частью северного Китая. За сотни лет жизни на границе оседлого и кочевнического миров они окитаились, но не утратили боевого духа — и усвоили боевые обычаи соседей.

При «варварских» императорах Согдийские «посольские» караваны из сотен и тысяч верблюдов прибывали почти ежегодно.

«Из сотни царств, тысячи городов к западу от Луковых гор до страны Да-Цинь не было никого, кто бы не приезжал сюда. Торговые варвары со всех краев земли толкались и теснились целыми днями», — свидетельствовали летописи.

На рынках в ходу были византийские, иранские, среднеазиатские монеты. Их можно было обменять у согдийских и уйгурских менял, которые заодно были ростовщиками. Обмен не всегда был законным — стремясь поддержать стоимость бронзовых монет, китайские власти регулярно запрещали хождение серебра. [2]

Удивительной была роль согдийцев в индустрии развлечений. Они ввозили или делали вино и держали винные лавки, которые любили танские поэты, воспевавшие опьянение как способ постижения истины. Они научили китайцев охоте с ловчими птицами, развлечению иранской элиты. Звездами китайских арен стали согдийцы и турки, игравшие в степное козлодрание. «Волнующая сердце, ласкающая слух» западная музыка звучала на базарах, в богатых домах и в императорском дворце. [6]

Когда У-ди, император династии Северная Чжоу (543-578 гг. н.э.), женился на тюркской принцессе, с нею прибыли актеры и музыканты из Бухары и Самарканда. У-ди повелел считать западную музыку «государственным искусством» и устроил фестиваль, собравший 500 музыкантов.

При династии Суй два из девяти отделов императорской музыкальной палаты были посвящены бухарской («аньго-ди») и самаркандской («кань-го ди») музыке. Китайские оркестры использовали западные арфы, барабаны и флейты. [3]

В середине VIII века танскую столицу захлестнула волна модной музыки, которую называли «хубу синьшэн» («новые голоса варварских районов»). «Музыка из Центральной Азии была популярна в китайских городах, а в столице она распространилась от баров

и разрешенных кварталов развлечений во все места, где можно было купить развлечения и секс», пишет историк Эдвард Льюис Марк. [7]

Согдийцам принадлежали увеселительные заведения и дома терпимости, которые пополнялись совершенно бесчеловечным способом: «И купил Шамен Янсян рабыню Авпач безвозвратно, без ее имущества, без права обращения в суд, как постоянное имущество его самого, его сына, его внука и всего его рода. Эти двое — Шамен Янсян и его сын, а также его внук и весь его род и их потомки, если захотят, могут эту рабыню бить, подвергать пыткам, связывать, продавать, оставлять в залог, дарить и делать с ней то, что еще пожелают» (купчая VII века из Турфана).

В согдийских «цирках» можно было видеть представления с «куклами-марионетками, изображавшими пьяных людей с Запада, — в остроконечной шапке, с голубыми глазами и огромным носом», — писал востоковед Эдвард Шефер.

Увеселительные заведения были полны согдийскими фокусниками, акробатами, жонглерами, полуголыми певичками и танцовщицами. Дотошные хронисты записали названия некоторых танцев: в «хусюань» танцовщица кружится на мяче, держа в руках платок, танец из Шаша (Ташкент) назывался «хутэнь», а в «чжэчжи» участвовали только девочки-подростки. [4]

Менее экзотичными и гораздо более распространенными стали «западные» пирожки, вареные на пару, и халва.

Тогда же японцы, корейцы и вьетнамцы, тунгусо-маньчжурское государство Бохай и царство Наньчжао (сейчас китайская провинция Юньнань) переняли китайскую письменность и элементы государственного управления.

Они отправляли посольства к танскому двору, получая титулы и ритуальные шелковые одежды. А принятие ими буддизма сделало Китай религиозным центром Дальнего Востока. Заимствование иероглифов для языков, которые в корне отличались от тонового китайского, порождало проблемы, сравнимые только с использованием громоздкой шумерской клинописи для записи семитских и индоиранских языков.

Возможна ли была сходная китаизация народов Средней Азии и мог бы китайский стать тем, чем стала латынь для Европы, ведь тюркские языки, к примеру, происходят от одного с японским и корейским алтайского корня?

Наверное, нет, потому что у них был иммунитет в виде тысячелетней принадлежности к ирано-семитской цивилизации. Финикийский алфавит в Евразии стал основой множества

алфавитов, от орхоно-енисейских «рун» до уйгурского письма, совершенно переиграв китайские иероглифы по легкости употребления.

В любом случае китайское влияние в Средней Азии было прервано арабским завоеванием. Битва между китайцами и арабами при Таласе в 751 г. положила конец танскому продвижению на запад, и Средняя Азия опять стала частью ближневосточного мира.

А затем прогремело восстание Ань Лушаня.

Ань Лушань был смешанного тюрко-согдийского происхождения — словом «ань» китайцы тех времен обозначали выходцев из Бухары, а иранское имя «Ровшан» произносили как «Лушань». Его отцом был, скорее всего, согдиец, который служил тюркскому кагану, но потом перебрался в Китай. Лушань начал карьеру со службы на тогдашней северо-восточной границе, которая в наши дни находится в провинции Хэбэй, окружающей Пекин. Регион этот имел чрезвычайное стратегическое значение из-за своей близости к степи и Манчжурии (недаром будущие «варварские» династии киданей, чжурчженей и монголов будут выбирать Пекин в качестве столицы).

Ань Лушань совмещал в себе тюркскую неукротимость с китайской хитростью, он одинаково умел льстить и сражаться, лицемерить и приказывать. Зная продажность дворцовых прихлебателей, он не жалел денег на взятки, и поэтому возвышение его шло быстро. [8]

Вскоре под его руководством оказалось более 100 тысяч опытных солдат, а сам он стал цзедуши (генералом-губернатором) северо-востока страны и начал заведовать конюшнями, ключевым ведомством кавалерии. При дворе он произвел сенсацию своим образом простого, необразованного солдата-мужлана.

О соотечественниках он не забывал. Преданные Ань Лушаню согдийские купцы были разосланы им вести торговлю по всем дорогам, а попутно доставать для него деньги и разведывать обстановку. [8]

В 750 году Ань Лушань удостоился небывалой чести — его лицо было изображено на монетах специального чекана. Он убедил императора Сюань-цзуна назначить несколько десятков своих «варварских» ставленников на ключевые военные посты, которые сделали Ань Лушаня самым могущественным военачальником империи.

Любимая наложница императора Ян Гуйфэй «усыновила» его в шутовской церемонии, когда он был наряжен в детскую одежду, и придворные даже шептались об их

любовой связи. Ян Гуйфэй вошла в китайскую историю как одна из «четырёх красавиц древности», но ее прихоти подорвали обороноспособность страны.

Стареющий сластолюбец Сюань-цзун не жалел для нее ничего. Вместо того чтобы сновать между границами и столицей, императорские гонцы беспрестанно доставляли любимые ею южные плоды личжи — представим, что сверхзвуковые самолеты-разведчики прекратили бы боевое патрулирование ради доставки самых свежих морепродуктов.

Но вскоре Ань Лушань и неизменно усилившийся клан Ян Гуйфэй разошлись во взглядах, и в конце 755 года полководец восстал — под предлогом избавления от зарвавшихся братьев любимой наложницы императора. В течение пары месяцев Ань Лушань захватил восточную столицу Лоян, а проигравшее несколько битв правительство казнило одного из сыновей Ань Лушаня, жившего в Чаньани.

Придворные винили в поражениях Ян Гуйфэй и вынудили престарелого императора выдать ее на казнь — точнее, на удушение шелковым шнурком. Сбежавшего на запад императора вынудили отречься в пользу сына, а Лушань занял Чаньань без боя.

Но болезнь не позволила ему продолжить наступление, он потерял зрение и теперь только избивал подчиненных, которые и зарезали его в начале 757 года.

Само же восстание было подавлено при помощи уйгуров, тюрков, тибетцев, бирманцев и «чернорубашечников Да-Ши», то есть Багдадского халифата.

Новый император Су-цзун был вынужден признать уйгурского хана Моян-Чура равным себе и поклонился его «волчьему» знамени, унизив тем самым свой статус «сына неба».

Но подавление восстания перешло в войну, поскольку войска наемников-иностранцев грабили и убивали мирное население. Только к 764 г. мир был восстановлен, но власть в провинциях почти полностью перешла к губернаторам. Династия Тан утратила свой блеск.

Как соплеменники мятежника, согдийцы подверглись преследованию по всему Китаю, и их торговое могущество пошло на спад. Окружавший их иранский мир сжимался. Ираноязычные государства, кочевые и оседлые, попадали под власть тюрков, монголов и арабов и менялись под влиянием их языков и культуры.

Согдийцы пострадали и от усиления Тибета, чьи войска неоднократно разоряли Согдиану, дойдя около 813 г. до Самарканда.

Литература

1. McLaughlin Raoul, *The Roman Empire and the Silk Routes*. Casemate Irm. UK. 2016.
2. Фишман О.Л. *Танские новеллы*. М.: Издательство АН СССР, 1955.
3. Кычанов Е.И., Савицкий Е.С. «Люди и боги страны снегов. Очерки истории Тибета» М.: Наука, 1975.
4. Шефер Э. *Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан*. М.: «Наука», 1981.
5. Виденгрэн Г. *Мани и манихейство*. СПб.: «Евразия», 2001.
6. Etienne de la Vaisseire. *Sogdian Traders. A History*. Brill. Netherlands. 2005.
7. Марк Э.Л. *Империи древнего Китая*. М.: Центрполиграф. 2016
8. Гумилев Л.Н. *Троецарствие в Китае*. М.: ФТМ. 2010